

Иван Сосновиц

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был крестьянин, конечно, жил он ни богато, ни бедно, а так, средне. И жил он двое со старухой. И вот всё им было жить хорошо, только не было никого детей у них. В одно прекрасно время старуха и говорит: «Слушай, старичок, у нас нет детей и не будет, а я вот слыхала в одном месте, как можно достать детей». — «Ну-ко, говори, бабушка, как можно достать детей, как мы уж стали стары?» — «А вот как: сходи в лес да выруби кусок сосны и сделай из сосны парня, не живого, конечно, а из сосны, и вот принеси ёго мне, а я положу в зыбку и буду качать три году, и вот родится у нас парень. Вот поверь меня, а я слыхала; испытаем».

Вот старик так послушал ей, пошел в лес и сделал, знаешь, из сосны парня. Принес ей: «Ну, старуха, на, не лень, дак качай три году». — «Уж я постараюсь, буду».

Так. Старик, конечно, работает в поле, а она качает. Сготовит обед и опять качает. Так качает, качает, и вот проходит три года. Дело сделалось к весне, старику надо сеять да пахать, — делать свое дело. Так. Раз старик уехал в полё пахать, а уж сполнилось три года. Вот она качала, вдруг выходит сын и говорит: «Здравствуйте, маменька, вот я родился». Та и обрадела, прямо стал на ноги, вышел из зыбки и заговорил. «Родился-то ты хорошо и заговорил, ну, не знаю, как тебя звать стать». — «Ну, зови меня Иваном Сосновицём».

А она приготовила обед. «Вот обед-то дедушке и готовой, да ты еще не можешь снести, как ты еще малый. А надо мне самой понести дедушке обед». — «Ну, мама, собирай, я понесу, найду, где он в поле работает, пойду по полям, найду». Она собрала ёму все в корзинку: «Ну, неси, если можешь». Указала ёму полосу, куда нести.

Иван Сосновиц и пошел. И вот идет, идет, идет и увидал старичка, который работает. Он ёго узнал, конечно. «Здравствуй, дедушко, мой отец ты будешь». — «Я тебя не знаю, сынок, ты еще малой, ты скажи, кто ты есть, тогда я тебя узнаю». И вот он и говорит: «Вот что, дедушко, ведь я есть Иван Сосновиц, мать моя качала меня три года, вот я и вырос. И принес тебе обед». — «Ну, и хорошо, коли ты такой малый и принес мне обед. Ну, садись вместе со мною обедать». — «Нет, я не хочу, а ты дай мне кобылу, я попашу». — «Что ты, что ты, сынок, ты еще малый, не можешь». — «Нет, я попашу». — «Ну, попробуй». И вот старик думает: «Ну, раз просишь, так что же делать, попробуй».

Вот берет соху и запрягает кобылу, а старик ест. Вот взял соху и так упер ей в землю, что кобыла тянуть не может. «Нет, слушай, Иван Сосновиц, тебе не пахать на моей кобыле, ты очень упираешь ей в землю, она не может снести твою силу, ты очень сильный. Отпусти ей, пусть она немножко травы пощиплет, и садись со мной обедать. А я после обеда немного отдохну, потом ты сходишь и приведешь ей».

Вот, конечно, он отпустил кобылу травы щипать, а сам сел с ним. Дедушко пообедал и повалился спать. Вот дедушко встал со сна и говорит: «Ну-ко, Иван Сосновиц, сходи, приведи кобылу, а после ты пойдёшь к своей матери, а я после приду».

Вот, значит, он пошел за кобылой. Приходит к кобыле, а уж волк — медной лоб съел кобылу у них. И бросился на него: «Съем, мол, тебя». И допустил его близко, схватил его за ноги и бросил назенъ, да так, что осталось только мокро от него, только земля задрожала вся. И пошел к старику. И пришел к дедушке и говорит: «Ну, отец, волк — медной лоб нашу кобылу съел». — «Ой, Иван Сосновиц, как же он тебя не съел?» — «Нет, он меня не съел, а я его убил, больше уж он ни у кого кобыл есть не будет». — «Ну, пойдём тогда домой».

И пошли. Старик думает: «Нет, это мне тоже не кормилец будет, уж раз волка убил, так порядочной богатырь».

Приходит к своей старухе. Старуха и спрашивает: «Ну, так что прочь, старичок, пришли со сыном?» Старик начал рассказывать про сына и про волка: «Вот принес мне сын обед, и я сел есть. Сел есть, он и говорит: „Дай мне-ка, я буду пахать“. И я не мог отказать. Взял он соху, запряг кобылу и так соху запустил в землю, что еле видно, и кобыла не может идти. Я и сказал: „Отпусти ей, пусть траву щиплет“. И вот мы ее отпустили, потом я немножко отдохнул и сказал: „Ну-ко, Иван Сосновиц, пойдй сходи, приведи кобылу“. А в это время он пришел за кобылой, а уж волк — медной лоб у нас кобылу съел. И вот он схватил этого волка за ноги, как ударит этого волка о землю, так вся земля задрожала. Убил этого волка, вот мы и пришли поэтому домой. И слушай, баушка, — потом он ей и говорит, — опять же он нам не кормилец, думали, кормилец, а нет. Наверно, он у нас жить не будет».

Иван Сосновиц это все слышит, что они говорят, хотя стоит недалеко.

И вот они переспали ночь. На другой день Иван Сосновиц и говорит: «Вот, отец, пойдй-ко в кузницу да скуй мне топор, а я пойду вам дров порубить, у вас дров мало». — «Какой тебе, Иван Сосновиц, надо топор?» — «Да в пятьдесят пудов».

Старик пошел, конечно, в кузницу и заказал кузнецам топор в пятьдесят пудов. Кузнецы сказали: «Мы, конечно, скуем, только пусть сам за ним придёт, мы не можем ёго принести для твоёго сына».

Вот, конечно, они начали ковать. Он приходит к сыну: «Вот, сынок, сходи сам за топором, они уж куют, но никто принести ёго не может». Иван Сосновиц сам пошел в кузницу. Приходит в кузницу. Кузнецы и говорят: «Ну, бери топор, вот он лежит, мы ёго нести не можем». Иван Сосновиц берет топор одной рукой и пошел домой. Пришел он домой, конечно, к матери, к отцу и говорит: «Ну, теперь пообедаем, а потом я пойду дров рубить».

Пообедали. Иван Сосновиц пошел дров рубить. Рубил он целый день. Приходит вечером домой и говорит: «Ну, отец, мало же сёгодня я нарубил, только пятьдесят сажень, топор легкой. Пойди завтра, закажи в кузнице топор в сто пудов, а я пойду еще завтра дров рубить». (Это уж не рубил, а ломал.)

И старик пошел кряду же в кузницу и заказал топор в сто пудов. И вот кузнецы, конечно, начали ковать. Приходит на другой день, берёт топор, пообедал и пошел в лес. Вот он пошел в лес, порубил до вечера, пришел домой и говорит: «Ну, отец, нарубил-то я мало, только сто сажень, топор легкой. Пойди, закажи завтра в кузнице топор в полтора пуда».

Старик кряду же пошел, заказал в кузнице топор в полтора пуда, чтобы к утру был готов. Кузнецы не смеют отказать и к утру опять сковали. Утром стаёт со сна, пообедал, пошел в кузницу, а из кузницы прямо в лес. Приходит в лес, конечно, и рубит он целый день. Вечером приходит и говорит: «Ну, отец, сёгодня я порядочно порубил, полтора сажень, да топор легкой, ну, уж вот теперь вам хватит на целый век. Больше я тебя да кузницей затруднять не буду».

И взял эти три топора и стащил в кузницу. Ну, делайте теперь что хотите с топором.

И сам пришел опять обратно домой и говорит на следующий день отцу: «Ну, отец, сходи еще в кузницу, пусть скуют кузнецы мне-ка палицу в триста пудов, такую, чтобы эта палица не гнулась и об камень не ломалась и чтобы через сутки была готова».

И вот старик пошел заказывать. Сам боится. «Хоть бы ты, однако, ушел, уж мне не кормилец».

И вот кузнецы, значит, и куют эту палицу. Куют, и куют, и куют; сутками сготовили, как попало, тоже боятся, какая будёт. Вот приходит он в кузницу

на второй день. Приходит в кузницу и говорит: «Ну, вот, Иван Сосновиц, вот тебе палица, бери, а уж мы ей поднять не можем».

Вот когда он взял в руки эту палицу, нагнул только, она вся в дугу согнулась, и сказал: «Если вы мне хорошо не сделаете, то вам плохо будет, я приду завтра к вам».

Так им пригрозил, что кузнецы сразу взялись за работу. Вот он пережил опять сутки. Приходит в: кузницу, взял палицу в руки — не гнется, бросил о камень — сломалась. «Ну, ребята, сделайте так, чтобы она и от камня не сломилась, а тогда я вам заплачу».

Вот уж на третий день приходит, берет эту палицу — не гнется. Поднял кверху, бросил — чуть погнулась. «Ну, ладно, ребята, уж больше я вас тревожить не буду».

Заплотил кузнецам, уж какой уплаты они отроду не видали, и пришел домой. И вот он, значит, когда пришел домой, и говорит: «Ну, отец, мать, пекуте мне теперь подорожнички, а я пойду, куда меня голова несет, так что вы меня больше не увидите». — «Ну, что же делать, пойдешь, сынок». На второй же день это все было готово. Распростился с отцом, с матерью, насыпал им денег: «Вот, говорит, вам на старость, а дров у вас есть, живите на здоровье».

И так в путь-дорогу.

И вот пошел. Идёт и идёт со своей палицей. Вдруг пришел он к двум дубам, и стоит между дубам старик. Стоит и в руки тот и другой берет и поколачивает дуб о дуб. Он увидел и заговорил: «Здравствуй, богатырь, Дубиня!» — «Здравствуй, здравствуй, доброй человек. Нет, не есть я богатырь Дубиня. Вот Иван Сосновиц волка убил, вся земля дрожала, вот это богатырь!» — «Ну, дак вот я и есть Иван Сосновиц». — «Возьми меня, брат, с собой». — «А куда?» — «Куда голова несет». — «Ну, пойдём».

И вот их стало двое. И вот идут себе. Пришли они к двум горам. Стоит человек между горами и изредка поколачивает, гору о гору поднимает. Вот он и заговорил: «Здравствуй, богатырь Горыня!» — «Здравствуй, здравствуй. Не есть я богатырь Горыня, вот есть богатырь Иван Сосновиц, волка — медного лоба убил, так вся земля дрожала, вот богатырь!» — «Дак я и есть Иван Сосновиц». — «Куда пошел? Возьми меня с собой». — «Пойдем». Вот пошли дальше. Вот шли-шли, приходят они к реке. Стоит богатырь, на усах людей перевозит. Иван Сосновиц и заговорил: «Здравствуй, богатырь Усыня!» — «Здравствуйте. Нет, не есть я богатырь Усыня. Вот есть Иван Сосновиц, волка — медного лоба убил, вот богатырь!» — «Дак я и есть Иван Сосновиц». —

«Возьмите меня с собой». — «Ну, пойдём. А нам нужно попасть через реку». — «Ну, становитесь на ус по одному цёловеку, я вас перевезу».

И так всех перетащил через реку. А потом растянул свой ус: «Вы меня перетасщите, и больше здесь перевозу не будет». Так и сделали. Вот и пошли они по дороге все вчетвёром. И шли, шли, шли они, конечно, так не близко место. Вдруг увидели, стоит дом, кругом ограда, дом большой. Зашли они в этот дом. Зашли в этот дом, а в доме никого нет. Смотрят: столовая, кухня, где готовят кушанья. Иван Сосновиц и говорит: «Вот что, ребята. Во дворе есть волы, надо зарезать пять волов и сжарить. Ну, кто сёгодня будет за повара? Останься ты, Дубиня, приготовь нам обед, а мы потом придем».

Вот Дубиня сходил на двор, зарезал волов и варит. Сварил, покушал немного, а сам все в окно поглядывает, что как долго то-варищев не видать. Всё как будто чего-то боится. Однажды взглянул в окно, смотрит — бежит старик, сам с нокоть, борода с локоть, и сам сорок возов за собой сена тащит. Сейчас притащил, открывает двор, начал воды качать, волов выпускать и считать. Считал, считал — пяти волов по счету не хватает. «Э, говорит, кто тут у меня есть? Не кормит, не поит, а моим интересом пользуется».

И побежал в избушку. Прибежал в кухню, смотрит — сидит Дубиня. Взял ёго за волосы, бил, бил, возил, возил, до того возил, что Дубиня ни с места. Выбежал на улицу, сунул под угол: «Ну, пускай этот угол не гниёт». И убежал.

Этот Дубиня лежал, лежал — опомнился. Опомнился и начинает под углом шевелиться. Вертелся, вертелся да и вышел. Пошел в кухню, смотрит — огонь погас под котлом. Зажег огонь, сам повалился на кровать. Вот приходят братья: «Ну, что, Дубиня, обед готов?» — «Готов». — «Дак вставай есть». — «Не хочу, угорел». — «Ну, не хочу, так не надо».

Вот сели они есть, суп выхлебали, мясо съели. Им показалось мало. Вот Иван Сосновиц и говорит: «Ну, вот, Горыня, ты теперь оставайся, а Дубиня пойдёт с нами. Готовь обед и нарежь сёгодня голов семь, чтобы нам хватило пообедать».

И ушли. Вот, конечно, это Горыня приходит на двор, берет семь голов, зарезал. Вымыл, поставил мясо и варит также. Варит, уже покипело часа три-четыре, мясо стало поспевать. Вынул кусок, поел в ожиданье, а сам все смотрит в окно: «Скоро ли придут товарищи, уже совсем всё готово». Однажды сглянул в окно, смотрит — бежит старик, сам с нокоть, голова с локоть, сорок возов за собой сена тащит. Прибежал во двор, начал опять воды качать и быков считать. Считал, считал — семи не хватает. Не хватает семи, -он и побежал: «Кто такой у меня здесь поселился? Не поит, не кормит, чужим

интересом пользуется». Прибежал в избу и давай возить Горыню. Бил, бил, смял, выбежал на улицу, сунул под угол: «Ну, пускай и другой не гниёт».

А сам под тем не смотрит. Этот Горыня опять таким же путем вертелся там под углом, вертелся и вышел. Побежал скорее, огня подложил и свалился на кровать. Вот идут товарищи: «Ставай, Горыня, давай обедать!» — «Не хочу, голова болит, угорел». А вот Дубиня отвечает: «Угарна же здесь изба есть». Ну, сам не говорит, что тоже с ним было, молчит. Теперь они поели это мясо, им показалось мало. Иван Соснович и говорит: «Ну, вот что, Усыня, ты сегодня останься, зарежь десять волов, чтобы нам поесть честь честью, а мы пойдем».

И вот собрались все трое, ушли. Вот Усыня сейчас идет на двор, зарезал десять быков, поставил варить. Вынул кусок, поел — хороша. «А долго братьев нет», — все поглядывает в окно.

И смотрит из окна — бежит старик, сам с нокоть, борода с локоть, сорок возов за собой сена тащит. «Что такое?» Забежал во двор, начал быков считать, опять не хватает, теперь десяти уже. «Что такое у меня творится, каждой день завелось, что быки теряются. Не поит, не кормит, а чужим интересом пользуется».

Забежал в избу, хватил Усыню за усы и давай ёго таскать. Усыня ничего не может с ним делать. Бил, бил, таскал, выбежал на улицу, сунул под угол: «Ну, пускай и третий угол не гниёт». Усыня подумал: «Ну, наверно, такая же честь и братьям была; оттого, наверно, им и угар был». И начал также под углом шевелиться. Вышел, пришел в избу, видит — все потухло. Он зажег огня, растопил и свалился на кровать, не может больше. Вдруг слышит, что идут братья. Вот спрашивает опять Иван Сосновиц: «Ну, суп готов?» — «Готов». — «Так ставай есть». — «Не могу, угорел оцень, голова болит».

Ну, сели они есть, поели, мясо все съели. Иван Сосновиц и говорит: «Ну, так вы все подьте, а я останусь, что у вас за угар?» Вот они все собрались, пошли и говорят: «Ну, да ладно, будет же и тебе такая честь, Иван Сосновиц, какая нам была».

А Иван Сосновиц пошел на двор. Пошел на двор и зарезал двенадцать волов. Притащил, намыл, заставил и ходит по комнатам, песни поет. Посмотрел, мясо готово. Вытащил кусок, поел и опять поёт: «Что-то долго братьев нету. Что у них было за угар? Никакого угару нет». И видит в окно — бежит старик, сам с нокоть, борода с локоть, сорок возов сена за собой тащит. Забежал во двор, начал воды качать, быков поить. А он выходит, попевает песню. Старик

считал, считал — не хватает двенадцати. «Что такое? Кто у меня поселился? Не кормит, не поит, а моим интересом пользуется».

Побежал в избу и давай возиться с Иваном Сосновицём. Возились, возились — ничего с Иваном Сосновицём сделать не может. Иван Сосновиц ёму всю бороду оборвал, осталась только что одна голова. Захватил в обе руки голову эту, взял молоток, гвозди и прибил к стенке, только голова вертится. Вдруг слышит, идут братья. А голову он затащил, прибил в другую избу, только дверь немного полая. Приходят: «Ну, садитесь, ребята, обед готов». Они думают: «Что такое?»

Сам садится с ними есть, а дверь-то полая. Вот они в щелку и видят — голова вертится. «Смотрите, братья, угар-то наш!» Иван Сосновиц услышал: «Ну, что, ребята?» — «Да мы говорим, вон старик, угар-то наш». — «Да вы что мне раньше не сказали?» — «А мы потому не сказали, что кто из нас сильней будет. Теперь видим, что ты всех сильней».

А вот старик вертелся, вертелся да со стены и сорвался, и покатился по полу. Они за ним вслед. Иван Соснович за палицу, да за ним, а он катился, катился да в яму. Они и не застали, он и укатился в подземельё, им делать уж нечего. Вот Иван Соснович теперь и говорит: «Знаете что, братьё, этот старик, он справится да на нас пойдёт войной. Теперь нам нужно кому-нибудь спуститься да убить ёго там».

Ну, а яма была прямо непомерной глубины. А Иван Соснович говорит: «Ну, теперь пойдём на двор, наделаем ремней, нать нам его убить, а то он на нас пойдёт войной, не сделаться тогда нам, будет».

Они пошли во двор, зарезали всех волов, которы оставши были. Ремней нарезали и пришли в яму. «Ну, кто пойдёт?» Все отказались. Иван Соснович: «Ну, пойду я. Только когда приду обратно, вы меня дожидайтесь». -«Ладно».

Вот ёго спустили в яму. Когда спустили ёго, то аккурат хватило этих ремней до земли до самой. Он пошел со своей палицей.

Вот шел, шел, шел — стоит домик. Он и заходит в этот домик. Смотрит — сидит девушка красивая и шьёт. Как стегнёт, — так солдат выскочит, как другой раз стегнёт, — так другой выскочит. Он начал у ней спрашивать: «Что, девушка, шьёшь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?» — «А я сгоняю силу на Ивана Сосновица, так что Иван Сосновиц всю бороду у моего батюшка вытащил, еле прибежал. Так что нужно силу сгонять, а потом на ёго воевать пойдёт». — «А брось-ка, девушка, швейку в печку, я ведь тебя замуж: возьму, как обратно пойду».

Она и бросила. Рада, что он сказал. Он поотдохнул, поел, конечно, у ей и пошел дальше. Идёт, идёт и идёт, также приходит в домик. Заходит в домик, также сидит девушка, шьёт, еще красивее той. Как стёг стегнет, — два солдата выскочит, еще стёг стегнет — два выскочат. «Что, девушка, шьёшь, на кого силу сгоняешь?» — «А сгоняю силу на Ивана Сосновица, так что он у моего батюшка всю бороду вытащил, еле домой прибежал. Так что надо силу сгонять, а потом пойдет воевать на него». — «А он сейчас где?» — «А он еще далёко. Там есть третья девушка, он у ей». — «Брось, девушка, швейку в печку. Я тебя замуж возьму, как домой пойду».

Вот она и бросила швейку. Он у ней отдохнул и дальше пошел. Вот он дальше пошел, приходит он уж к третьей девушке, так те в избе сидит и шьет. Как стёг стегнёт, — так три солдата выскочит, как другой стегнёт, — так опять три. «Что, девушка, шьёшь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?» — «А сгоняю силу на Ивана Сосновица». Он и говорит: «Слушай, девица, брось-ко швейку в печку, а я тебя замуж возьму».

Она ёго послушала, сама накрыла стол и стала ёго кормить. Ну, эта была всех красивее. Он и стал говорить: «Ведь я иду ёго убивать, этого вашего дедушка». — «Ой, Иван Сосновиц, тебе его не убить. Хотя он и кругом утиреблёной, ты у него всю бороду выдрал, он лёжит сейчас в байне ранёной, а мы в это время силу приготавливаем, он нас заставил. Но сейчас тебе ёго не убить». — «А как?» — «Иначе тебе ёго не убить, как если я тебя не научу». — «Ну, так говори, прекрасная девица, научи. Если я не убью ёго, то и мне не выйти отсюда и не вывести вас». И вот как он сейчас лежит в байне, тут на берегу байна. Правда, ты сейчас к нему не ходи. А сейчас иди прямо к нему в сад. И в саду есть небольшая комнатка, а в этой комнатке есть шкафчик. Открой дверь, и там стоит две бутылочки на правой руке и две на левой. На правой руке стоит две бутылочки с живой водой, а на левой руке две бутылочки с мертвой. И вот возьми мертвую воду переставь, где жива стояла, а живую, где мёртвая стояла. И живой воды попей немного, много не пей. Когда попьешь, тогда выйди к байне, он лёжит на полку. Он не такой теперь, как ты видел; он такой большой старик лежит на полку, что ты устроишься. И чем ты его будешь бить? Есть ли у тебя что за собой?» — «У меня есть палица в триста пудов». — «Ну, вот и бей ёго, хотя с первого разу ты его и не разбудишь. И вот когда со второго, третьёго, он встанет и скажет: „А, Иван Соснович, ты здесь пришел? Я здесь с тобой разделаюсь“. Засвищет на подмогу себе двуглавого змея. И этот змей выскочит и побежит к этой избушке. Ёму нужно будет попить живой воды для укрепления силы, а попьёт мертвой и околеет. Вот к чему я велела тебе их переменить. А тогда уж делайся с им что хочешь, он будет свистать войска, а у нас уж войсков не будет, и тогда ты можёшь ёго легко убить. А

теперь ты пойдя». Вот Иван Сосновиц, конечно, это все выслушал и пошел. Пошел кряду в сад. И зашел в комнату. Видит шкафчик, открывает, смотрит — на той и на другой стороне по две бутылочки. Вот он живую воду переложил, где мёртвая была, а мертвую переложил, где живая была. Напился живой воды и пошел прочь, спустился к байне. Спустился в байну; открыл дверь, смотрит — старик лежит, и такой большеносой, что прямо страшно, и подошел к нему. Подошел к нему и сейчас ударил ёго палицей. Старик с боку на бок повернулся, ничего ему не сказал. Он ударил ёго второй раз еще крепче. Старик еще повернулся и ничего не сказал. Вот уж он так ударил третий раз сильно, что с размаху выскочил потолок. Старик вскочил: «А, Иван Сосновиц, ты ко мне пришел? Ну, теперь ты мой! Выйдем-ко на волю». И начал свистать. Засвистал, змей поднялся, бросился в эту комнату, попил мертвой воды вместо живой и околел. Нет никого: ни войсков, ни змея.

Старик и заговорил: «Ну, курвы, обманули. Ну, да ладно, я еще тебе живой в руки не сдамся, сначала повожусь, а потом ты меня убьёшь». Вот он, конечно, хотел старик возиться, но Иван Сосновиц ударил палицей по голове, старик и упал на землю. Иван Сосновиц ударил второй раз и размозжил ёго всёго, осталось от него только мокро. Ну, потом пошел к девице: «Ну, вот, девица, я теперь убил этого старика». — «Ну, убил, Иван Сосновиц, теперь пойдём, я согласна с тобой идти».

И вот они собрались. Она ёму даёт перстенёк и говорит: «Ну, вот, Иван Соснович, этот перстенёк храни, пока мы не придём в царство». Она была царская дочка. И она и говорит: «Ну, а других как же, возьмешь, что ли?» — «Как же, надо взять. Нас есть еще там три брата, они дожидают нас всех».

Вот он приходит, конечно, к другой и говорит: «Ну, прекрасная королева, пойдём». Та оделась, и пошли. И тая ёму ничего не дает. И так к третьей пришли. Приходит к третьей, он тоже сказал: «Ну, одевайся, девица, я всех вас выведу, коли вы сослужили мне службу, преставлю всех я вас на Русь».

Когда они пришли, они и говорят: «Я — царская дочь, я — королевская, я — княжеская». Он и говорит: «Ну, я отдаю вас за братьев, а эту за себя возьму, а одному не достанется».

И вот они приходят к этой яме, где был ремень. Вот и начинает ёго трясти и говорит: «Ну, давайте, поочередно ставайте, а в последних я. Вас они вызданут».

И вот они начали здымать. Перву княжеску. Они и говорят: «Ах, какая девушка, хорошо!» Вторую выздынули. «Хорошо, коли бы третью достать». Он и говорит: «Ну, царевна, давай теперь ты подымайся». Она и говорит:

«Слушай, Иван Соснович, ты сначала выстань сам, а потом подымёшь меня, а то они тебя оставят в яме». — «Ну, что ты, разве они меня оставят?» — «Ну, смотри, вспомнешь меня. Их трои и нас трои, а то смотри, сам останешься. Слушай, ты меня выстанешь, а пропадут все твои труды. Ты убил змея, и я тебе не достанусь, останешься ты в яме навеки». — «Нет, они меня вызданут». — «Ну, смотри». И так он все-таки положил ей. «Ну, ставай, прекрасная царевна, подымайся».

И вот когда они вытащили третью и говорят: «Ну, вот, нам теперь всем по одной, если у него еще какая? Если нет, то мы, пожалуй, ёго и не потянем». Спрашивают у девиц. Те говорят: «Мы не знаем». А Усыня и говорит: «Нет, тянуть ёго все-таки надо».

Спустили ремень и стали тянуть. А Дубиня и говорит: «Нет, я буду не женат». Взял ремень, срезал, он и полетел обратно туды. Когда он полетел в яму, то царевна, конечно, им ничего не сказала, а сама подумала: «Говорила я ёму, а теперь все его труды пропали».

И так взяли они эти три красавицы и пошли в город. А про эти красавицы знал Кощей Бессмертной. И как узнал, что они пришли до царства, налетел на царство, отобрал этих красавиц, молодцев двоих убил, а третьёго ранил. И сам с красавицами улетел. А это царство все окаменело. Пока этих оставим, теперь за Ивана Сосновица возьмемся.

Ну, вот когда этот Иван Сосновиц пал на землю, пролёжал полсуток без памяти. Потом очнулся: «Ну, где я, черт возьми! Не послушал прекрасной царевны, вот опять в яме. Вот они что со мною сделали, братья. Ну, ладно».

И пошел обратно в подземелье. Потом приходит он к этой избушке. Ну, что, нет никого. Посидел, поел и дальше идет. Пришел уже в третью, ёму захотелось спать. Поспал, поел, пошел на эту площадь, где убил старика. Потом пошел в сад. Глядит — около этого домика свалился змей, лежит. Ну, что, нет никого. Дальше пошел в чисто поле. Приходит в полё, смотрит — стоит большая сосна, и видит — стадо волов ходит само собой, без пастуха. Большое стадо. Вот он пришел к этой большой сосне, и сел, и слышит — на сосне кричат Орловы дети: «Ох, спаси нас, молодец». — «Как я вас спасу, чего вам нужно?» — «Да мы голодные, мать улетела на Русь, долго нет, а мы голодные, подняться не можем». — «Дак вы что, есть хотите?» — «Да, есть». Он схватил вола, притащил, разорвал на мелкие части и дал им. «Ну, спасибо, Иван Сосновиц, а мать прилетит, она уж тебе отомстит, сделает, что тебе нужно. Только ухоронись, когда прилетит, чтобы она тебя самого не сглонула, она ведь большая».

Вот он стоит. Стоял, стоял, стоял, видит — летит какая-то сильная гора. Это птица. Дети и закричали: «Смотри, Иван Сосновиц, это мать летит. Ухоронись за дерево, чтобы она тебя не видела».

И вот он ухитился за дуб, она и прилетает. Вот они начали плакать, говорить: «Вот ты бросила нас, мы чуть не умерли. Вот кабы не добрый человек, мы бы и умерли». — «Да как он спас?» — «Накормил нас, мы и живые». — «Ну, а где этот цёловек, кто он есть?» — «А этот цёловек Иван Сосновиц, остался здесь в подземелье». Вот она и начинает ёму говорить: «Здорово, Иван Сосновиц. Ну, так что тебе нать за то, что ты моих детей покормил?» — «Да мне ничего такого не нать, сослужи мне-ка службу, если можешь». — «Ну, каку тебе, Иван Соснович, надо службу сослужить?» — «Вот вынеси меня на Русь отсюда, больше мне ничего и не надо». — «Да на Русь, Иван Сосновиц, лететь далёко, надо; большие запасы иметь. А ведь ты, Иван Сосновиц, не легкой, тебя тащить, так надо большой запас иметь». — «Ну, я уж не знаю, какой нать запас, скажи». — «Прежде всего нужно убить сорок волов мне-ка в дорогу. И как полетим, ты мне кидай по полуволу в рот. И потом нужно сорок ведер воды. Как полвола бросишь, съем, и так ведро воды. А теперь ты убил нашего старика здесь?» — «Убил». — «Вот сходи в евонный домик и принеси живой воды, мне даёшь немного и себе возьми с собой. Вот это все собери, притащи, а уж я буду готова, сослужу тебе службу, как ты спас моих детей». И вот он пошел в это стадо, зарезал сорок голов, притащил это мясо и пошел в сад. Взял живой воды пузырек с собой и приходит к ней обратно. Она спустилась с этой лесины с большой, и он все привязал ей к крыльям. Сел он, они и полетели. Вот летят, летят, она оглянется, — он ей полвола да ведро воды. Летят, летят, а нужно было перелететь через три моря. И вот он так летел, все кидал. Второе перелетели, вот уж на третье вылетели. У его уж волов стало мало, всего десяток, а лететь нать целое море. Он стал ей поменьше кидать куски. Когда он стал поменьше кидать куски, она стала чаще оборачиваться и садиться стала книзу. Вот стал берег виднеться, а у него уж осталось только полвола. Она и говорит: «Ну, я есть хочу, а то я тебя брошу». Он дал ей последнего полвола и немножко живой воды. Она и приободрилась. Ну, подлетел он немного и говорит: «Есть хочу». А ему бросить больше нечего. Она и говорит: «Ну, Иван Сосновиц, вырезай хоть икры из ног да бросай мне, а то нам не долететь». Он ничё не говоря, икру вырезал да потом и другую, бросил ей. Так они добрались до берега. Когда перебрались через, стала она на землю, а он стать на ноги не может и говорит: «Ну, куда я теперь пойду, как стать на ноги не могу, слушай, орлица». Тогда она и говорит: «Ну, ладно, Иван Сосновиц, коли ты не пожалел уже икр своих, я тебе их обратно вытошню». Вот она и выкашлянула. «Ну, а теперь ты их ставь обратно да

смажь живой водой, будешь здоров». Он вставил, смазал и встал. «Ну, а теперь остальную воду дай мне напиться, а то я не долечу. Ведь мне надо было тебя тащить да твою палицу триста пудов. Тебе она больше не понадобится, хотя ты еще много горя примешь дорогой». И так распростился Иван Сосновиц с птицей, она выпила и полетела вперед.

И вот он идет, идет и идет, смотрит — лежит рать убита. Идет он по этой рати, и увидел Горыню убитого. Посмотрел он на него и пошел дальше. Дальше пошел, идет, смотрит — вторая рать лежит убитая. И вот подошел и видит — лежит Дубиня и тоже убитой. И он идет дальше. И видит — не遠деке виднеется палище какое-то, и толк лежит рать убитая, ну все оно было спалёно. Вот, когда пришел к третьей рати, видит — сидит Усыня на кусту, ноги и руки отрублены и весь израненной, но только живой. Вот он к нёму и подошел. Вот он когда увидел ёго и стал спрашивать: «Ну, здравствуй, богатырь Усыня». — «Здравствуй, здравствуй, Иван Сосновиц, как ты сюда попал?» — «Да как попал! А где же твои братья?» — «Братья мои все убитые, и я в таком лее положении». — «Ну, дак где эти красные девицы, которых я достал из подземелья. Скажи, почему вы меня оставили в подземелье, бросили, обратно не выпустили». — «Да слушай, Иван Сосновиц, я-то тут не виноват, я-то просил братьёв, что давай вытянем, а Дубиня как раз резал ремни, потому что ёму не достанется невесты. И, конечно, нам никому-то не досталось». — «А где они теперь есть?» — «А их унес Кощей Бессмёртной, а царство все окаменело. Он убил наши все три рати, прижгал, забрал этих девушек и улетел, и не знаю, где он есть». — «Ну, Усыня, я бы тебе уж не помнил зла, ну, а как у меня нет средств, чтобы тебя поправить, уж извини, я тебя убью, чтобы тебе не мучиться». Теперь Иван Сосновиц пошел опять вперед. Вдруг видит — идёт два человека с копорулями. Он подошел к ним и спрашивает: «Куда отправились, молодцы?» — «Пошли узнавать к высоким горам, где Кощей Бессмёртного смерть, иначе нам не убить ёго, пошли разыскивать, так что он погубил наше все царство». — «Ну, так возьмите меня в товарищи. Я вам помогу, он мне нужен».

То они пошли дальше. Вот встречаются им, идёт два человека с лопатами, тоже по этому делу. Собирается компания цела. «Вы куды», — он спрашивает. «Мы идем к высоким горам узнать, где Кощей Бессмёртного смерть. Надо стать доставать». — «Возьмите нас». — «Пойдемте». Идут дальше. Теперь идут, смотрят — идут два бурщика, и третий человек несёт сумочку, взрывчато вещество. И он спрашивает их: «Куда отправились, молодцы?» — «К таким-то таким горам, надо во что бы ни стало,, убить Кощей Бессмёртного». — «Ну, давайте вместе». И пошли. Вот они приходят к такой высокой горе, что прямо голову заломить. Этот последний, который был с сумочкой, и говорит: «Вот,

ребята, эту всю гору надо разобрать, а там ящичек, в нем смерть Кощея Бессмертного. И этот ящичек надо еще разбить, а там яйцо, ёго надо раздавить. Ну, у нас силы, наверно, ни у кого не хватит». — «Так вот вы, молодцы, рвите, разрывайте гору, а уж этот ящичек я разобью и вам буду тоже и сейчас помогать».

Вот все принялись за дружно работу. Вот эти бурщики принялись за свою работу — бурить; срывальщик отрывал; копорульщики своими копорулями работали; лопатники лопатами сгребали, а Иван Соснович большие камни руками отрывал. И в три дня они эту всю гору разобрали. И вот добрались до той подошвы, где лежал этот ящичек. Ну, этот ящичек не мог стоять на одном месте, так и вертелся с боку на бок, когда освободился из-под горы. Тогда и говорит бурщик: «Ну, ребята, кто из нас может теперь этот ящичек раздавить, не теряйте времени. Если налетит Кощей Бессмертной (узнал ведь), то, как схватит этот ящичек, нам его и не убить будет, он ведь силен».

Потом Иван Сосновиц вытаскивает свою палицу и так размахнул, что ящичек лопнул, и гром пошел по всем лесам, и осталось на этом месте одно мокро. Теперь говорит взрывщик: «Ну, теперь пойдем к Кощею Бессмертному, хотя ёго нету, он где-то летал. А мы пойдем к нёму и возьмём этих девиц, которых он забрал. Хотя это твое дело, Иван Сосновиц, ты все это сделал, ты будешь у нас за старшего, хотя и мы помогали отчасти». Так они пошли. Он шел наперёд. Вот и приходят они к Кощею Бессмертному в жилище. Иван Соснович пошел разыскивать этих девиц, а они остались смотреть помещение. И чёго-чёго они только там и не видали, и долго Иван Сосновиц ходил по темному замку, ничего он не видит. Наконец, видит дверь, зашел туда, а там еще хрустальная дверь, а там сидят эти три девушки. А у них играют гусли-самогудки. Когда он пришел только, сразу они ёго узнали: «Ох, Иван Сосновиц, как ты пришел, ведь Кощей Бессмертной тебя убьёт». — «Нет, не печалуйтесь, красные девицы. Ёго нет, и я вас пришел, спас последний раз. И пришел я оттуда, где меня оставили братья, и видел я их убитых всех». — «Ну, а теперь, Иван Сосновиц, забирай гусли-самогудки, потому что весь наш город окаменелой. И когда придём туда, заиграй в гусли-самогудки, и весь народ оживёт. У нас будет житьё, и я выйду за тебя. А с остальными красавицами, воля твоя, хошь за кого хошь отдавай, хошь отпускай».

И вот он берет гусли-самогудки и пошел оттуда. И видит — братья роятся в золоте и нагребают себе денег. Он и говорит: «Ну, берите себе столько, сколько вам надо, а мне не надо, я и так буду не бедной».

Вышли они все вместе оттуда из Кощеева жилища и подходят к городу, которой окаменелой. Заиграл Иван Сосновиц в гусли, и весь народ очнулся.

Все было по-старому, и они сразу зашли в царской дворец с этими девицами, где сидел царь на своём троне.

Когда она пришла в царство своё, и подошла к отцу, и говорит: «Ну, отец, смотри на моего спасителя, он меня первой раз достал из подземелья, ну, ёго братья там оставили, а уж теперь он достал от Кощея Бессмертного». Тогда сказал этот царь: «Ну, ладно, дочь, коли так, достал он тебя второй раз, то он порядочно истерпел».

Сейчас пошел у них пир, игратья свадьба. Тогда Иван Сосновиц все это обсказал, что с ним случалось, как он родился, с конца и до конца. После этого царь поставил ёго наследником, а после смерти своей оставил ёму престол.

И стали жить да быть до глубокой старости со своей царевной.

На том она и кончится.